

СВЕТЛАНА СУББОТА

АКАДЕМИЯ
ПЕРВОГО
ЧУВСТВА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Суббота, Светлана.

С89 Академия первого чувства / Светлана Суббота. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Академия Ма-
гии).

ISBN 978-5-04-101862-7

Прислушайся. В академии города, где крики торговцев громче взываний о помощи, где на улицах рычат могучие оборотни и шипят древние вампиры, взрываются магические эликсиры и гибнут один за другим юные наследники рода Ера. Услышь самое важное: как царапается и урчит древняя сила, проснувшаяся в твоей крови, как делает первые шаги Черная Пантера. И тогда наполнятся новым смыслом слова преподавателей, обернется испытанием посвящение в студенты, выведут к вампирскому театру туннели под учебным корпусом. А оборотни почувют в тебе лучшую пару и сойдутся в битве. Но не потеряй в потоке волшебства и новых впечатлений самое главное — первую настоящую любовь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Суббота С., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-101862-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Дом, милый дом

Home, sweet home.

Присказка

Началось все с обуви Фрэнка.

Сапоги отчима, оставляемые им на ночь на первом этаже, принялись пахнуть так, что не давали нормально выспаться. Я прокрадывалась босиком до входного коридора и выставляла их за дверь, а потом мыла руки. Пару раз отчим удивлялся, как мог разуться за дверью, пока не застал меня на месте преступления в длинной ночной рубашке, брезгливо держащую одной рукой сапоги, другой — зажимающую нос. Он качал головой и долго смеялся. Фрэнк — добрый человек. И очень понимающий.

Запахи появлялись внезапно. То не чувствовались совсем, то налетали резко. Раздражали слизистую носа, заставляя чихать и таскать с собой бумажные салфетки.

Псину мисс Фламберг я начала определять далеко на подходе, прямо кожей ощущала, как эта пакость приближается, чтобы визгливо полаять

и облить клумбу ровно под окном моей спальни. В доме соседки была собачья дверца, поэтому четвероногая негодница выбиралась на прогулку самостоятельно и тут же целенаправленно трусила к нашим цветам.

Мама все переживала, почему в клумбе не приживаются даже известные стойкостью растения, я регулярно выливала на непрошеную гостью кувшины воды, но к лучшему ситуация так и не менялась.

Дни бежали чередой, меня по-прежнему преследовали запахи, но проявлением Двухликости это точно быть не могло. Время трансформации для оборотней, восемь-двенадцать лет, я давно пропустила. Возможно, в моей крови хулиганят далекие гены, и скоро все уляжется, успокаивала я себя.

Весной из Юридической Академии Лоусона¹ пришло сообщение о принятии на первый курс магистратуры. Я была счастлива, родители нервничали, но свободу принципиально не ограничивали, уезжать не запрещали и окружали поддержкой. В доме витал бесконечный запах свежей сдобы, а Фрэнк иногда пропускал походы в молельню, просиживая с нами вечера за неспешной беседой.

Маленький Ньюберг перешептывался и качал головой. Ай-ай-ай, нельзя отпускать юную девушку в полный порока внешний мир. Вокруг скрещивались недовольные взгляды, родителей осуждали, как

¹ Обучение проходит по международной системе, аналогичной для нашего мира. Бакалавриат. Затем — магистратура. Исходя из фактов, приведенных в главе, Мари, поступившей на обучение юриспруденции, примерно 22 года (*прим. автора*).

же они не смогли наставить на путь истинный заблудшую душу. Мы жили в городке шесть лет и все это время считались чужаками, но тут город пересмотрел свою точку зрения, посчитав меня своей, «какая-никакая приезжая, а жила тут».

За день до отъезда в дверь постучали сваты. Город решил спасти «глупую Мари», пожертвовав самым лучшим мужским экземпляром. В дверь вслед за старейшиной, стеснительно поворачиваясь боком, протиснулся Патрик. Осмотрелся, нашел мою замершую в шоке фигурку на верху лестницы и с надеждой улыбнулся. Крупный, излучающий надежность парень. Моя беда в выпускном классе, кружившая голову тайными быстрыми взглядами и неловкими случайными касаниями.

На выпускном балу он увел меня в подсобку, целовал мягкими большими губами, неуверенно всматривался в лицо. Я краснела, но не вырывалась. Странное сладкое и стыдное томление, мучающее по ночам, пришедшее ко мне вместе с запахами, на выпускном вдруг проявилось ярко и совершенно обессилило меня, заставляя тяжело дышать от касаний Патрика.

На следующий день с утра в мое окно ударил камешек. И в нашем саду за сараем Патрик снова целовал и ласкал меня, а вечером парень вдруг пришел в третий раз. Он был мрачен и все так же молчалив. Обнимал, царапая кожу мозолистыми, уже привыкшими к фермерской работе руками. Я недоумевала, тихо задавала вопросы, не получая ответы, но в итоге опять сомлела в кольце больших сильных рук.

Представила, как Патрик шепчет: «Любимая», улыbnулась и... замерла от злобного шипения прямо в ухо:

— Шлюха Вавилонская, развратница приезжая.

Старший сын в консервативной семье, давно обреченный с соседской Лайзой. Фигуристой, пухлощекой, настоящей блондинкой, скромной и глубоко верующей девушкой. С чего я решила, что у меня есть шансы? На что надеялась? Слова Патрика все расставили по местам.

Больше я не выходила на стук камешка. Лежала, кусая костяшки, прощаясь со своей первой влюбленностью.

«Что бы ни случилось с человеком, уважение к себе удержит его на плаву», — говорила моя мама, а она знала толк в решении сложных ситуаций.

Все лето Патрик то невзначай прохаживался мимо окон адвокатской конторы, где я работала помощницей по связям с судом штата, то останавливался у нашего дома поговорить с отчимом о последних новостях. Рассеянно посматривая в сторону дома, парень отбрасывал со лба вьющиеся светлые пряди, щурил глаза, вытирал вспотевшие ладони о выцветшие джинсы таким почти родным знакомым движением.

Зимой пошли слухи, что их свадьба с Лайзой откладывается на год к обоюдному неудовольствию семей. А еще через год Лайзу поймали рядом с клубом, прилюдно целующуюся с Тревором Дуговски на глазах проходящего мимо Патрика. И она вынуждена была пойти под венец с толстяком Тревором, не скрывая дорожку злых слез по щекам.

Все это время я училась на заочном филиале Университета Юты, ездила в соседний городок сдавать тесты, выходила из дома только на работу или учебу, вызывая всеобщее недоумение. Штат оплачивал мне стипендию за отличные показатели, поэтому кумушки недовольно поджимали губы, но сказать было нечего, кроме «доучится девка до старой девы, и кому она, слишком умная, будет нужна».

Нас с мамой, «приезжих штучек», не любили.

— И что в этой варварке нашел Фрэнк? — говорила мисс Фламберг, поджимая узкие губы. — Дочка совсем от рук отбилась, творит что хочет. Вот попомните мои слова, пойдет девочка по дурной дорожке, никто из приличных молодых людей даже не подумает ее сосватать.

Мы с мамой гордо проходили мимо. Никогда, слышишь, Ньюберг, никогда я не пойду по дурной дорожке. Что бы ни случилось в моей жизни, свои желания я научусь контролировать. Мама говорит, что у меня «хорошее воспитание». Фрэнк считает, что «характер в маму» и «наша Мари все-го добьется».

А сейчас, посмотрите-ка, Патрик зовет замуж.

— Мари, добрый вечер, милая, — старейшина широко искусственно улыбался, еще немного, и щеки трескаться начнут. — Мы к вам с большой радостью. Патрик решил составить тебе пару для семейного счастья на всю жизнь.

Я только звонко расхохоталась, свесившись через перила.

— Спасибо за предложение, уважаемые. Уверена, Патрик составит чье-то другое счастье, пото-

му что завтра я уезжаю в Юридическую Академию в столицу.

Уже засыпая, я вспоминала побелевшие от негодования лица гостей. Боялась, что буду тосковать по Патрику. Но меня беспокоил только запах. Сапоги... Фрэнк опять их оставил в коридоре.

Глава 2

Путешествие начинается с шага

A journey of a thousand miles starts
with a single step.

Поговорка

Вагон покачивало, ритмичное «та-та-та» отстукивало время моего удаления от маленькой человеческой резервации, защищенной от Двуликих, но до безумия скучной. Я подпрыгивала вместе с вагоном и улыбалась.

Скок. Я еду в большой город. Скок. Я выучусь на юриста. Скок. Какая я счастливая.

Из-под чепчика выбился черный локон. Ужасный позор для Ньюберга. Книга Заветов клеймила любое отклонение. Черная кожа, черные волосы — печати Дьявола.оборотни и вампиры — слуги Дьявола. Другие города вне тихого Ньюберга¹ — воплощение Содома и Гоморры.

¹ В книге упомянуты небольшие, полностью закрытые человеческие общины, не принимающие Двуликих (*прим. автора*).

Возможно, мне нужно было снять чепец, накинуть современную кофточку на излишне приметное строгое платье и таким образом сгладить образ беспомощной провинциалки, но мама посоветовала не торопиться.

— Используй привычное, — говорила она. — Другим будет внове осваивать, а вот ты — уже на своем поле.

На перрон шумного Лоусона сошла молоденькая, восторженно улыбающаяся девушка в мешковатом длинном платье, застегнутом на множество пуговиц. Белый чепец рассеянно съехал набекрень, блестящий локон освобожденно трепыхался под ветром. Иногда он перекрывал глаза, и приходилось сдвигать, так как руки были заняты большими матерчатыми баулами.

— Для самой красивой девушки — самую лучшую гостиницу! — пропел симпатичный парень-хорек в потертой шляпе с высокой тульей.

Скорее всего, зазывала за плату от количества приведенных постояльцев или даже ловец наивных птичек для местного борделя, уж слишком рьяно обшаривал взглядом и непроизвольно облизывался.

— Нет, спасибо. Меня должны встречать из Академии. — Я встречно изучала паренька, с любопытством вдыхая горячий запах оборотня. Мой новый нюх то появлялся, то исчезал. Но сейчас я удивительно ярко воспринимала незнакомые ароматы. Отчим учил меня различать их на примерах диких животных, но вследствие малой практики я не была уверена, точно ли диагностирую зверя.

Проходящая мимо девушка подмигнула моему собеседнику, и тот, не задумываясь, шлепнул ее по круглому, неприлично обтянутому узким платьем тылу. Прелестница мило взвизгнула и, улыбаясь, поплыла дальше.

Хотя в нашем городке Дзуликские не жили, на субботних собраниях старейшины часто и детально описывали их пороки и особенности. Очень уж молодежь любила экскурсии в запретные предпочтения оборотней.

— И тыкают естественным своим в рот развратницам! — воздев руки и плюясь слюной, кричал брат Фредерик, вызывая ухмылки парней и шокированные ахи девушек. — Хватают за бока и груди молочные прямо на улицах, не скрываясь от родичей своих!

Судя по творившемуся вокруг, некоторые из историй брата Фредерика были правдой. На вокзале мужчины свободно обнимали своих спутниц за талию, прижимались к ним. Я с интересом оглядывалась, запечатлевая в памяти броские наряды, смеющиеся лица, непривычно резкие движения.

Толпа, вытекающая из автобусного и железнодорожного вокзалов, была полна странных существ. Кто-то незнакомо пах горячим металлом, кто-то душной помесью эфирных масел и больной плоти.

— Тебе в Юридическую Академию? — Оборотень недоверчиво меня рассматривал. — Тогда иди туда.

И махнул рукой в сторону небольшой группки добротнo одетых молодых людей с чемоданами, сгрудившихся у небольшого переносного стола.

Все-таки парень просто зазывала, зря я про бордель подумала. А что смотрел нагло, так тут нравы непривычные.

Подойдя поближе, я обнаружила небольшую табличку на самом краю стола. «Юридическая Академия Лоусона» — гласила изящная надпись с завитками.

— Тебе что? — рявкнул широкобровый здоровяк с дугообразным шрамом на подбородке. — Не мешайся, девка. Любопытство губит таких кошечек.

Парень навис надо мной, ему явно нравилось запугивать. Странно, но... простой человек.

— Так. Так. Так. — Из-за стола поднялся изящный молодой мужчина в отлично скроенном сюртуке и с браво завитой челкой. — Позвольте представиться, юная мисс. Меня зовут Мерик Фитстоун. Возможно, я вижу перед собой еще одну нашу новую студентку?

— Вы не ошиблись, уважаемый. — Я открыто улынулась. — Мари Ерок, приятно познакомиться.

— Ера? — Мерик засиял навстречу и галантно поклонился.

— Что вы! — Я покраснела. — Только Ерок, дальняя родня.

Мы были такой седьмой водой на киселе, что даже неудобно об этом говорить. Мой прадедушка — ответвление магической ветви Ера — по праву «потери магии у сильной крови» взял схожую фамилию, тем самым отправив своих потомков прозябать в неизвестности и самообеспечении. Гордый был человек, как все Ерок.

Мне дали расписаться в списке прибывших. Чернила размазывались из-за непривычной по форме ручки, подпись получилась совсем невнятная.

Пока я пыталась не наставить клякс в документе, вызывая хмыканье окружающих, Фитстоун поднял палец и обвел всех взглядом, поучительно провозгласив:

— А могла быть и Ера. Не судите о книге по обложке, уважаемые.

Меня внимательно осмотрели несколько перекрещивающихся взглядов. И тут же оставили в покое.

— Как же, Ера, — фыркнула полненькая шатенка в элегантной шляпе с пером.

— От нее за милую навозом несет, — мрачно буркнул широкобровый, явно раздосадованный показательным уроком от мистера Фитстоуна.

Все-таки ничему людей жизнь не учит. Скромно пристроив баулы недалеко от стола, я отошла от будущих одногруппников.

Они стояли не слишком близко, чтобы точно определить принадлежность, но минимум двое — худой, полностью одетый в черное брюнет, и низкорослый рыжий крепыш в клетчатом макинтоше — точно не были чистокровными людьми.

Из девушек стояли только мы с шатенкой, но она демонстративно отворачивалась, не желая встречаться глазами.

— Ох, — Фитстоун вдруг расстроено махнул руками, — а где же список прибывших? Только что на столе лежал.

Прибывшие засуетились, подняли все чемоданы и подозрительно заозирались по сторонам. Но список так и не обнаружился.

В итоге мистер Фитстоун собрал столик одним щелчком пальцев и, зажав его, как плоскую папку, под мышкой, пригласил нас следовать за ним.

Некоторое время я сомневалась, но потом-таки обогнала однокурсников, пристроилась к нашему ведущему и зашептала ему:

— Извините, вы специально или нечаянно положили список в карман?

Очаровательный молодой человек довольно хмыкнул.

— Никогда не извиняйтесь за вопрос, юная мисс. Я спрятал список специально, весь первый триместр мы проверяем поступивших на пригодность к учебе на тех или иных факультетах. И только что вы за счет внимательности заработали первые баллы для трех из них.

От растерянности я затормозила и тут же получила тычок локтем от здоровяка.

— Уже примазываешься к начальству, девка?

Значит, проверяют. И мне, обратившей внимание на оттопыренный карман сюртука и идущий оттуда свежий запах чернил, начислили баллы. Что ж, придется серьезно постараться. Потому что мне нужен совершенно определенный факультет, и промахнуться никак нельзя.

Глава 3

Наживка скрывает крючок

The bait hides the hook.

Поговорка

Кампус с комнатами для проживания находился прямо за учебными корпусами. Пузатые, тронутые временем постройки флегматично взирали из-за полуопущенных штор на энергичных студиусов, догупливающих последние дни каникул.

Я непроизвольно крутила головой, глаза на проходящих.

Девушки были одеты ярко и замысловато, парни элегантно. А еще все без исключения вели себя свободно и говорливо, это пугало и притягивало. Как будто опять стала маленькой девочкой, заглядывающей в новую книжку со сказками.

Впервые мне предстояло жить самостоятельно, среди незнакомых, завораживающе интересных людей. Разделять быт. Соседи увидят мои расплетенные косы, домашние тапочки, смогут наблюдать, как я читаю или задумываюсь. В этом огромном муравейнике вряд ли удастся сохранить привычный закрытый образ жизни. Особенно смутил меня шумный поток людей,двигающихся между женским и мужским крыльями кампуса. Они что, в гости друг к другу ходят?

У кабинета администрации раздавали расписание и ключи от комнат. Мне достался большой металлический ключ. Судя по нему, предстояло жить в по-

гребе или гараже, зато замок должен быть надежным. Я с интересом повертела изделие неизвестного мастера.

Больше всего из полученного смутило расписание. В нем черным по белому сообщалось, что сегодня нашему потоку первокурсников предстояло «Прохождение полосы препятствий. Проверка физической формы».

От волнения покрутив пуговичку у ворота, перечитала название занятия. Не то чтобы я жалуясь на свою физическую форму, всегда была отменно здорова. Но что они имеют в виду под «прохождением полосы препятствий»?

— Позвольте представиться, милая мисс. Родерик Торш, к вашим услугам. Целую ручки.

Подкручивая лихой ус, рядом проявился приятный шатен с ровным срединным пробором в набриолиненных волосах, в желтом двубортном камзоле и крепких проклепанных ботинках. За ним, со скепсисом поглядывая на меня, стоял знакомый по вокзалу брюнет в черном.

— Рада познакомиться, Мари Ерок.

— Обворожительно! Нам с Кристофером определенно повезло вас встретить.

Я недоуменно захлопала глазами. Брюнет потеснил плечом товарища и буркнул:

— Для полосы препятствий надо собрать команду из трех участников, из них обязательно должна быть одна дама. Вы нам показались достаточно разумной девицей. И не тяжелой.

Я с трудом удержала лицо.

— Простите, не тяжелой?